

Всеволод Гаршин

Конкурс

на

ПОСТОЯННОЙ...

*Часть сборника
Красный цветок (сборник)*

Всеволод Михайлович Гаршин

Конкурс на постоянной выставке художественных произведений

«Интересное зрелище представляет помещение постоянной выставки в день приема картин на ежегодный конкурс. В обыкновенно пустых комнатах выставки в этот день целая толпа: авторы картин, их знакомые, кое-кто из рецензентов, г. Григорович, заботливо распоряжающийся расстановкою представленных произведений. Все горячо критикуют новые картины, спорят, находят недостатки крупные и мелкие, заранее предполагают, кому достанутся премии. Только сами авторы держатся сдержаннее и не позволяют себе замечаний о картинах соперников...»

**Всеволод Михайлович
Гаршин
Конкурс на постоянной
выставке художественных
произведений**

Интересное зрелище представляет помещение постоянной выставки в день приема картин на ежегодный конкурс. В обыкновенно пустых комнатах выставки в этот день целая толпа: авторы картин, их знакомые, кое-кто из рецензентов, г. Григорович, заботливо распоряжающийся расстановкою представленных произведений. Все горячо критикуют новые картины, спорят, находят недостатки крупные и мелкие, заранее предполагают, кому достанутся премии. Только сами авторы держатся сдержаннее и не позволяют себе замечаний о картинах соперников.

Картины приносят одну за другою, расставляют. Бьет роковые четыре часа, после которых прием на конкурс считается закрытым. У некоторых поотлегло от сердца: «Ну, кончено! Лучше моего уж ничего не принесут: и З., и С., и Ш., и З-ский, которые тоже готовили к конкурсу картины, опоздали».

Тринадцать художников успели выставить свои произведения. Четверо выставили пейзажи, пятеро – жанры, четверо – акварели. Количественно, сравнительно с прошлыми годами, конкурс не беден. Качественно – он

особенно не выдается. Как и всегда, общее внимание главным образом привлекают пейзажи. Много раз уже было замечено, что пейзажная живопись у нас сделала больше, сравнительно с жанром, успеха. Что за причина этому явлению? Неужели бедность русской жизни и истории драматическими моментами, достойными перейти на полотно? Нет, этому нельзя поверить! Причина лежит не в бедности сюжетов, а скорее в самих художниках. Они, как и вся наша интеллигенция, в большинстве случаев настолько оторваны от родной почвы, настолько мало знакомы с русской жизнью, что сродниться с сюжетом русским, родным, прочувствовать его – для них дело весьма хитрое. А пейзаж – совершенный космополит. Было бы поэтическое чувство, да любовь к природе, да способности живописца вообще – вот вам и готов художник-пейзажист, и художник недурной.

Хотя и не следовало бы, скромности и буквы закона ради, прежде присуждения премий говорить об именах экспонентов, но так как все они, без сомнения, уже известны экспертам конкурса, то я и решусь разоблачить хит-

рые монограммы, изображенные на присланных картинах. При этом прошу заранее извинения, если мне не удалось угадать художников по их кисти.

Четыре пейзажа представляют совершенно разные моменты природы. Г. Крачковский изобразил летний день; г. Волков – зимний вечер; г. Клевер – зимний день. Наконец, незнакомый мне художник, картина которого носит 4 номер, представил бурю на море у береговых скал.

Осматривая выставку, один присяжный критик, известный пейзажист, заметил при мне об одной из картин: «Это так хорошо, что из-за каких-нибудь 250 руб. премии такой вещи и писать не следовало». Эти слова ярко рисуют нам существующий между многими художниками взгляд на премию постоянной выставки. Написать картину, чтобы получить 250 руб., – вот цель. Написать картину так, чтобы она скорее была куплена, – вот мысль многих художников. К числу их с сердечным сокрушением я должен причислить и г. Клевера.

Его зимний день с пасмурным небом, вет-

лами, кабачком на проселочной дороге, мостиком, через который перешла какая-то баба (и охота этим пейзажистам ставить в пейзажи фигурки, которых они рисовать не умеют!), этот зимний день – премилая вещь. Она показывает искусную технику, знание зимнего пейзажа, бойкость кисти. Она показывает, что художник работает очень быстро: картина, очевидно, написана махом, в несколько дней. Но, при всех этих приятностях, на картину я смотрел с неприятным чувством. Так вот и казалось мне, что эта картина вышла не из рук художника-поэта, каким должен быть всякий художник, а с какой-то фабрики стеновых украшений. Отлично повесить такую вещь на стену в гостиной и после обеда любоваться ею, сидя в креслах, куря сигару и утешая себя тем, что вот, дескать, «Клевера картина у меня висит. Было бы больше денег, купил бы еще и Айвазовского вещицу, да не хватает. Впрочем, и Клевер тоже в моде».

Могу утешить г. Клевера. И его картины будут когда-нибудь так же цениться, как картины И.К. Айвазовского. У большинства покупателей картин и того и другого не настолько

развито художественное чувство, чтобы они могли критически относиться к своим покупкам. Миленькая вещица модного живописца – ну, отчего ж ее и не купить? И пишете, г. Клевер, ваши вещи так, чтобы они были «миленькие». Пишите повкуснее, поярче, покрасивее, украшайте природу, как умеете. Делайте, словом, так, чтобы, останавливаясь перед вашей вещью, изящные барышни непременно произносили бы: «Ah! C'est joli»[1] – и дело в шляпе. Вы дойдете до г. Айвазовского. Вы будете писать свои зимы так, как он свои бури, луны и солнца, не трудясь брать для них свежие впечатления из природы, а просто помня, что сюда нужно положить кармину, сюда белил, туда кадмиуму. Вы вполне обратитесь в фабриканта стенных украшений. Но будут ли вам знакомы минуты высокого наслаждения художника-поэта, чувствующего, что он подошел к природе так близко, как только мог; человека, который, пища картину, снова переживает счастливые минуты наслаждения живою природою?

Прекрасный зимний закат солнца выставил г. Волков. Очень трудно было догадаться

сразу, что этот закат принадлежит Волкову, а не Клеверу. Только подходя ближе, я узнал автора картины. Мотив пейзажа совершенно клеверовский: снег с лужицею талой воды на первом плане, потом виднеющийся за березами ярко-красный закат. В этот избитый сюжет художник вложил много чувства. Если не говорить о некоторых ошибках г. Волкова, то вообще его картина – прекрасная вещь, и притом вещь, производящая на публику сильное впечатление красотой сочетания серых и розово-красных тонов неба и верно подмеченным рисунком облаков. Недостатки картины: неудавшийся снег на первом плане, будто сделанный из ваты, и чересчур темный колорит верхней части неба, не освещенной лучами заходящего солнца. Тон этой части неба гораздо темнее, чем снег первого плана, чего никогда не бывает в природе, где вечером тон неба всегда светлее самых светлоокрашенных земных предметов. Отлично нарисованные и выписанные березы тоже освещены чересчур светло; на самом деле они должны были бы рисоваться на ярком зареве заката очень темными силуэтами. Несмотря

на эти неважные недостатки, картина г. Волкова своею красотою и яркими красками невольно привлекает на себя внимание входящего зрителя. Она, наверно, очень скоро найдет себе покупателя: такие картины публика любит. Живопись легкая, красивая, мотив знакомый; чего же больше?

Не думаю, чтобы большая картина г. Крачковского имела такой же успех; она не кидается в глаза, и насколько ярок и цветист «Закат» Волкова, настолько скромно «Забывтое место» Крачковского.

Мы стоим на склоне высокого холма, обратясь лицом к его вершине, которая занимает весь первый план, понижаясь к правой стороне картины. Слева остатки какой-то стены; к ним ведут полуразвалившиеся ступени аспидной лестницы. Правее разбитые, покрывшиеся каменные кресты не русской формы; должно быть, кладбище было католическое. Все эти остатки запутались, заросли травою. Остатки стены почти закрыты гибкими ветками люциума. Около лестницы, в массе всевозможных трав, виднеются длинные желтые кисти коровьяка. Кресты тонут в опу-

тавшей их траве, из которой резко выделяются темно-зеленые стебли и ярко-алые цветы колючего татарника. Кое-где между камнями поднимаются молоденькие кустики. Место это не пашут, не косят: камни развалин и крестов мешают работать здесь, мешают людям нарушить покой мертвых. И на свободе трава разрослась густо и сильно; растения давят друг друга своим количеством. Все заглохло. Видно, что человеческая нога редко ступает на это забытое место. И невольно приходят в голову мысли о прошедшем этих развалин. Был ли здесь когда гордый католический монастырь, или скромный костел стоял на этой высоте, откуда видна местность на многие десятки верст? Далеко раскинулась равнина, занимающая задний план картины, – совершенная противоположность забытому местечку первого плана. Как местечко это представляет прошедшее, так равнина – настоящее; здесь забвение, там жизнь и труд. Видны нивы, копны, стада. Верст за десять виднеется светленький шпиг деревенской церкви, ярко горящий на солнце; за ним опять расстилается бесконечная равнина, теряющаяся в туман-

ной дали. А над всем голубое ясное небо с длинным караваном нежных перистых облаков, уходящих вдаль.

В пейзаже Крачковского нет ни ярких красок, ни особенно красивых сочетаний тонов. Картина его даже грешит излишнею бледностью и однообразием. Но взгляните пристальнее в этот простой, безыскусственный пейзаж, простойте перед ним две-три минуты, и вам не захочется отойти от него. Нужды нет, что г. Крачковский совершенно не справился с солнечным освещением; оно у него вышло бледно, пасмурно, в его картине солнца мало; нужды нет, что синева правой части неба утрирована. Поэтическое чувство, проникающее всю картину, заставляет забыть эти недостатки. В ней видна горячая любовь к природе, добросовестное и тщательное изучение ее, видно уважение к природе, которое не позволяет художнику выхватывать из нее одни эффекты для эффектных пейзажей.

Я не уверен, что г. Крачковский получит в этом году первую премию (которую он взял на прошлогоднем конкурсе). Картина г. Волкова эффектнее; картина г. Клевера обнару-

живает большее мастерство и бойкость кисти. И если картину г. Крачковского не купит кто-нибудь из записных любителей, вроде г. Третьякова, московского городского головы, то она останется в мастерской художника. «Скучна», – скажут про нее любители грубого и яркого. Хорошо сделает г. Крачковский, если не огорчится таким временным неуспехом, а будет неумоимо работать в том же направлении, которого держался до сих пор. Оно приведет его к хорошим результатам; оно, быть может, в недалеком будущем поставит его на одну доску с нашими корифеями пейзажа, с Шишкиным, Клодтом, Куинджи. Пусть только не гонится он за дешевым успехом и не ищет его у массы, наполняющей залы наших выставок.

Картина за № 4 представляет бурю, кораблекрушение, серые скалы, синие волны, белую пену, черное небо с желтою прорехою в нем. Картина довольно печальная. Видно большое старание, много труда – и только. Мне передавали, что автор этой картины очень порядочный жанрист. Если это так, то остается только пожалеть, зачем он берется

не за свое дело.

Из пяти жанристов, выставивших свои произведения, мне известны имена только гг. Кившенки и Ефимова.

Г. Кившенко написал очень недурную вещь, которую можно назвать и пейзажем и жанром в одно и то же время. Раннее утро, солнце только что всходит. Мы в Малороссии, на реке. Только что освобожденная от утреннего тумана вода холодна и неподвижна; только занимающий середину картины паром слегка всколебал зеркальную поверхность. Паром тянется по канату. Живописная группа малороссов с граблями и косами расположилась на нем; на возу сидят две хорошенькие девушки; парубки балагурят с ними. Группа пожилых малороссов толкует с евреем, которого видна только длинная спина. Кажется, это хозяин парома, собирающий с пассажиров деньги. В углу парома соломенный шалаш старика-сторожа, который и сам сидит возле. На высоком берегу видна вдали хата с группою деревьев; верхушки их озарены холодным утренним блеском только что показавшегося солнца.

Картина ли это? Ехали хохлы через реку, увидел их г. Кившенко и нарисовал; прекрасно нарисовал, спору нет, и хохлов, и паром, и реку, и окрестные места. Но это не картина, а разве пособие при изучении этнографии России. И разве не лучше ли было бы, если бы эти самые хохлы были не нарисованы г. Кившенко, а сняты хорошим фотографом, а г. Кившенко в это время постарался бы написать картину с несколько более богатым содержанием, чем выставленная им теперь вещь. Право, для этнографических целей совершенно достаточно и фотографии. Впрочем, справедливость требует сказать, что прекрасным выполнением своего немудреного сюжета г. Кившенко вполне заслуживает премии, назначенной за жанр, и я, не боясь ошибиться, предсказываю ему получение этой премии.

Неизвестный художник выставил картину за № 5. Картина эта – отлично написанный этюд рабочего, сидящего в кабаке. Написан он, очевидно, с натуры, написан хорошо, но зачем он выставлен? Неужели этюд человека в лаптях, с здоровым, улыбающимся лицом

заслуживает название картины?

Гг. Кившенко и автор № 5 грешат отсутствием сюжета; некто г. Н взял прекрасный сюжет и испортил его. Он изобразил известную сцену из «Бориса Годунова» Пушкина: Пимен дописывает свое «одно последнее сказанье», а Григорий Отрепьев смотрит на него и соображает, о чем пишет старик. Г. Н придал Отрепьеву выражение какого-то ужаса и пренекрасиво повернул его в профиль. В лице Пимена вовсе не видно маститой важности, которую невольно представляешь себе в лице пушкинского летописца. Эффект освещения, основанный на том, что главный источник света закрыт клобуком, стоящим на столе, — совершенно не удался. Все вышло желтое-прежелтое, а вовсе не освещенное лампадою. В углу видно окно; через него глядит кусочек синего ночного неба, который сильно не гармонирует с общим желтым колоритом картины. Отделка аксессуаров слаба.

Г. Ефимов опять выставил раскрашивающую старуху. На этот раз она раскрашивает деревянную статую Николая чудотворца. Сидящая за столом девушка пишет икону. Есть

еще на картине гусыня, сидящая на яйцах. Для чего эта гусыня – решительно не могу придумать! Все эти фигуры: и статуя Николая чудотворца, и девушка, и гусыня, и старушка, написаны так искусно, что решительно трудно понять, кто из них деревянный, кто настоящий.

И что за странная мания у г. Ефимова: все писать раскрашивающих!

Еще «картина». Синяя вода, голубое небо, камыши, трава, какие-то люди, тянущие сеть, нянька с ребенком-барчуком, зачем-то жалостно протянувшим руку к рыбакам. Все это крайне мизерно. На картину вместо монограммы наклеена пятикопеечная почтовая марка. Не отдаленная ли это аллегория? Не намекает ли эта пятикопеечная марка на истинную цену выставленного произведения? В таком случае неизвестный автор знает себе цену! Похвальная скромность.

Из четырех представленных акварелей лучшие: г. Н. Маковского, изображающая восточную сцену, и г. Александровского – портрет хорошенькой белокурой девочки. Впрочем, акварель г. Маковского менее удачна,

чем его прежние работы: общий тон ее несколько черен.

В четверг 10 апреля будет объявлено решение экспертов касательно присуждения премий. Кому они достанутся, я сообщу в свое время.

Апрель 1877 г.

Примечания

1

Ах, как красиво! (*фр.*)

[^^^]